

Иван Сергеевич Тургенев. Фауст

Рассказ в девяти письмах

Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.
Сочинения в пятнадцати томах.
Том седьмой.
М.-Л., "Наука", 1964
ОСР Бычков М.Н.

Entbehren sollst du, sollst entbehren {*}.
"Фауст" (часть 1-ая).

{* Отречься <от своих желаний> должен ты, отречься (нем.).}

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

От Павла Александровича В... к Семену Николаевичу В...

Сельцо М...ое, 6 июня 1850.

Четвертого дня прибыл я сюда, любезный друг, и, по обещанию, берусь за перо и пишу к тебе. Мелкий дождь сеет с утра: выйти невозможно; да и мне же хочется поболтать с тобой. Вот я опять в своем старом гнезде, в котором не был - страшно вымолвить - целых девять лет. Чего, чего не перебивало в эти девять лет! Право, как подумаешь, я точно другой человек стал. Да и в самом деле другой: помнишь ты в гостиной маленькое, темненькое зеркальце моей прабабушки, с такими странными завитушками по углам, - ты все, бывало, раздумывал о том, что оно видело сто лет тому назад, - я, как только приехал, подошел к нему и невольно смутился. Я вдруг увидел, как я постарел и переменялся в последнее время. Впрочем, не я один постарел. Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покосился, врос в землю. Добрая моя Васильевна, ключница (ты ее, наверно, не забыл: она тебя таким славным вареньем потчевала), совсем высохла и сторбилась; увидав меня, она даже вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и расквашалась, села в изнеможении на стул и замахала рукою. Старик Терентий еще бодрится, по-прежнему держится прямо и на ходу выворачивает ноги, вдетые в те же самые желтые нанковые панталочки и обутые в те же самые скрипучие козловые башмаки, с высоким подъемом и бантиками, от которых ты не однажды приходил в умиление... Но, боже мой! - как болтаются теперь эти панталочки на его худеньких ногах! как волосы у него побелели! и лицо совсем съезжилось в кулачок; а когда он заговорил со мной, когда он начал распорядиться и отдавать приказания в соседней комнате, мне и смешно и жалко его стало. Все зубы у него пропали, и он шамкает с присвистом и шипеньем. Зато сад удивительно похорошел: скромные кустики сирени, акации, жимолости (помнишь, мы их с тобой сажали) разрослись в великолепные сплошные кусты; березы, клены - все это вытянулось и раскинулось; липовые аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле - песку у меня, ты знаешь, нету. Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он... А что слышалось птиц! Ты, я надеюсь, не забыл, что птицы - моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изредка свистала иволга, зяблик выделявал свое милое коленце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдруг, как сумасшедший, пронзительно кричал дятел. Я слушал, слушал весь этот мягкий, слитный гул, я пошевеливаться не хотелось, а на сердце не то лень, не то умиление. И не один сад вырос: мне на глаза беспрестанно попадаются плотные, дюжие ребята, в которых я никак не могу признать прежних знакомых мальчишек. А твой фаворит, Тимоша, стал теперь таким Тимофеем, что ты себе представить не можешь. Ты тогда боялся за его здоровье и предсказывал ему чахотку; а посмотрел бы ты теперь на его огромные красные руки, как они торчат из узеньких рукавов нанкового сюртука, и какие у него повсюду выпираются